

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Ветер из рая / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-207269-7

Впервые за сорок с лишним лет я, частный детектив Павел Синичкин, встретился со своим отцом. Но вскоре вновь обретенный родитель снова исчез, и обстоятельства, при которых он пропал, заставляли нас с Риммой задуматься о самом плохом. Вместе со своей помощницей и компаньонкой я немедленно бросился в приморский курортный городок, где отец при Советском Союзе работал как опер под прикрытием. Там завязался странный узел его криминальных и любовных отношений. Но зачем он вернулся туда спустя сорок лет? Почему и куда исчез сейчас?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207269-7

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Вдохновлено реальной историей.
В то же время все герои и события
вымышлены
и ничто не показано в точности как было.*

*В романе много курят и пьют алкоголь.
Это вредно! Мы сами не курим и вам
не советуем, а алкоголь употребляем помалу
и ответственно — чего и вам желаем.*

Павел Синичкин

Наши дни

Мой отец исчез.

Второй раз в моей жизни.

Я никогда раньше в своих записках не рассказывал ни о своей семье, ни о другом личном. За исключением Римки и чувств к ней и о наших отношениях. Но это потому, что она стала полноправным участником моих расследований и (с недавних пор) младшим акционером детективного агентства «Павел».

Однако прочее мое жизнеописание не имело никакого отношения к сыщицкому делу — поэтому какого ляда буду я грузить вас, мои любимые читатели, посторонними историями? Зачем стану живописать личные и интимные взаимоотношения? Совершенно вас это не интересует. Совсем не за этим вы открываете мои заметки. Вы ищете детектив — и я преподношу его вам.

Но в данном случае мой родной отец тоже оказался персонажем детектива. Да какого!

В детстве я его почти не помнил. Он в первый раз исчез, когда я еще в школу не пошел. Да и до того являлся в моей жизни крайне эпизодически.

Помню, как он однажды принес домой настоящий пистолет. Боевой, красивый, весомый. Выщелкнул обойму, проверил, есть ли патрон в стволе, и дал мне подержать. Помню, как меня поразила тяжесть оружия, насколько удобно оно лежит в руке — ни разу не сравнить с игрушечным пластмассовым. Я тогда поднял макаров, прицелился. Отец нахмурился: «Никогда не наводи оружие на людей!» — «Оно ведь не заряжено!» — «Все равно, раз навел — значит, готов человека убить. А это неправильно, ты ведь не хочешь убивать меня или маму?» Я навел оружие на старый черно-белый телевизор «Таурас», нажал на спусковой крючок. Боек вхолостую щелкнул, и отец отобрал у меня макаров.

Помню лето и как мы с отцом купаемся, плаваем по подмосковному водохранилищу на надувном матрасе. Этот матрас возвышает нас (в моих глазах) среди остальных отдыхающих: не так много есть у кого в собственности подобные личные плавательные средства! Где-то на берегу на песочке нас ждет мама. А мы с папаней загибаем на матрасе вдвоем и оказываемся довольно далеко от берега. При этом плавать я не умею, но с отцом мне совершенно не страшно, я даже не задумываюсь, что могу

вдруг утонуть. Но неожиданно кто-то из нас совершает неловкое движение, матрас переворачивается, а мы с ним оказываемся в воде! Но я все равно нисколько не боюсь — и не тону! Наоборот, мне страшно, что пойдет ко дну отец, и я кидаюсь его спасать: хватаюсь под водой за его ногу и начинаю тянуть вверх. Матрас не успевает далеко уплыть, папа уцепляется за него, потом выбрасывает меня из воды на его влажную поверхность, а следом вылезает сам и смеется.

И следующий эпизод — наверное, последний, больше с ходу не припомню. Тоже лето. Мы живем где-то на даче — кажется, снимаем, потому что собственной дачи или там участка у нас не было — и вдвоем с отцом идем в лес. А на обратном пути — мы почти вернулись и уже неподалеку от дома, в самой деревне, — нас вдруг застигает дождь, и мы не прячемся, не скрываемся от него, хотя могли бы. Есть и раскидистые деревья вокруг, на деревенской улочке, да и к кому угодно в избу можно постучаться. Но отец предлагает наоборот: «Побежали?» Я с восторгом отвечаю: «Побежали!» — и мы несемся по мгновенно раскисшей от дождя земле. А сверху нас поливает сплошной поток, мы оба немедленно становимся мокрыми, и я вижу, как рубашка прилипает к отцовскому телу. Но мы скоро добегаем до дома, и мама принимается бухтеть: «Не могли переждать... ребенка мне простудишь...» Мать в воспоминаниях об от-

це присутствует на заднем плане, она обычно выступает таким ворчащим цербером: и того нельзя, и этого, и здесь папаня неправильно поступил.

Но больше, сколько ни рылся в памяти, ничего связного про отца припомнить я не мог.

Может, вы скажете, детское сознание прихотливо сохранило о нем лишь отдельные, самые яркие моменты. Нет. Когда я в более взрослом возрасте стал расспрашивать об отце мамашу, она, поджав губы, крайне скупно рассказывала, что сама видела папаню от силы два-три месяца в году. «Формально мы с ним шесть лет прожили, а фактически, если все дни суммировать, меньше года, — кривилась она. — Удивляюсь, как он тебя-то успел мне заделать!»

Она вообще никогда не отзывалась об отце комплиментарно, вечно задним числом ругала. Но в ее брани в то же время проскальзывала, чувствовалась затаенная гордость: мой-то был ого-го, орел!

«Ма, раз он такой плохой, что ж ты за него замуж-то вышла?» — дивился я вслух, когда удавалось вызвать ее на откровенность.

«Дура была, — отвечала она просто. — Молодая, глупая. А он, собака, красавчик. Но всем ведь известно: красивый муж — чужой муж».

Насчет исключительной папаниной внешности — чистая правда. Когда он снова возник

в моей жизни, через сорок с лишним лет после своего первого исчезновения, то и тогда, в возрасте семидесяти семи немалых годков, смотрелся по меньшей мере импозантно. Совершенно не расплывшийся, высокий, стройный, даже подкачанный. Буйная черная шевелюра, никакой лысинки, только редкие седые искорки в антрацитовый гриве. Глаза ясно-синие, не утратившие яркость и блеск. Дамочки в возрасте не то что пятидесяти-шестидесяти, а даже тридцати-сорока, я сам видел, западали и порой при виде его немели.

Да моя Римка тридцатисемилетняя! Глядела на него во все глаза, когда он к нам в офис явился! А потом, когда ушел, сказала, как припечатала: «А батя твой, хоть и старый, посимпатичней тебя будет. И мужского начала в нем больше».

Ладно! Понятен мне был Римкин яд. С ней у нас очередной период сложных отношений наметился — после того, как я опубликовал историю о встрече в Болгарии с Елизаветой Федоровной и расследовании нападения на ее «Ситроен», — посему она не упускала возможности укусить меня. Но вокруг моего отца семидесяти-с-лишним-летнего реально вилась. И мурлыкала, когда кофе ему подавала, грудкой на его плечо опиралась. О женщины, ничтожество вам имя, как говаривал Островский.

С другой стороны, наглядно стало понятно (через сорок лет!), какой эффект мой папаня

производил на дамский пол, когда был в самой свежести и силе.

Как он исчез тогда, в начале восьмидесятых? В советские еще времена? Зачем вернулся сегодня?

И почему, куда опять испарился?

Вот это, как говорится, хороший вопрос. Точнее, целых три вопроса.

1981 год

Из конспиративной квартиры он вышел другим человеком. Прежде всего формально. Теперь значился Петром Борисовичем Зверевым, русским, уроженцем Владивостока, прописанным в этом городе на улице Электrozаводской¹, в доме пять дробь семь, в квартире номер ***.

В новом имени заключалась, конечно, ирония. Острижки они — те, кто разрабатывал для него легенду. Был Синичкиным — стал Зверевым. Был милой пичужкой — стал зверем, неизвестно каким животным, но явно хищным.

Толстяк-подполковник Коржев из Приморского краевого управления БХСС протянул Синичкину/Звереву ключи от новой временной квартиры на улице Электrozаводской: верхний замок французский, нижний английский — и крошечный ключик от почтового ящика. Ни домофона, ни консьержки в те позднесоветские времена в жилых домах обычно не водилось —

---

¹ Сейчас улица Муравьева-Амурского.

только в редчайших, предназначенных для партийной или артистической элиты.

— Дом старый, квартира убитая, — предупредил толстяк-подполковник. — Но вы ж там ненадолго останетесь? Как говорится, только погостить, нашим океанским духом пропитаться?

Ему никто не ответил. Гость из Приморья не знал деталей операции, поэтому подозревал и опасался, что она способна повредить ему лично — оттого чувствовал себя неуютно и держался соответственно: суетился, подхихикивал и двух прочих участников мини-совещания, включая Синичкина-отца, младше его лет на пятнадцать именовал по имени-отчеству.

Он же выдал майору-оперу Синичкину-старшему военный билет на новое имя и пропуск во Владивостокский морской рыбный порт: Борис Зверев, кладовщик склада номер один.

Кладовщик — низайшая, тишайшая должность. Но не при социализме, когда дефицитным товаром было примерно все. А если в его ведении, как на складе номер один рыбного порта, хранились рыба и икра, кладовщик автоматически становился хозяином жизни, наряду с официантом модного ресторана, слесарем автосервиса или парикмахером из салона красоты. Такие товарищи сидели на лучших местах в самых престижных ресторанах, в модных театрах и на закрытых кинопросмотрах.

— Когда будете у нас в крае, — продолжил угодливо Коржев, — в любое время дня и ночи

милости просим, звоните. Вот связной телефон, кодовое слово «Боливар».

— Почему вдруг «Боливар»? — строго спросил Синичкин. Ему не нравился пугливый Коржев, потому хотелось его поддразнить. — Лошадь? От слов: «Боливар не вынесет двоих?» — процитировал он О'Генри — или, скорее, ранний черно-белый фильм Гайдая, поставленный по мотивам его рассказов.

— Какой конь, что вы говорите! — бурно запротестовал Коржев. — Боливар — лидер латиноамериканской революции.

— Ладно, выкрутились, — усмехнулся опер. Синичкин-старший чувствовал себя хозяином положения. В конце концов, именно ради него прибыл с Дальнего Востока этот подполковник, для него созвано последнее перед заданием оперативное совещание.

Прежние документы — паспорт на имя Семена Ивановича Синичкина и служебное удостоверение — он отдал своему куратору, третьему человеку, присутствующему на конспиративке, полковнику Гремячему. Партбилета у Синичкина-старшего отродясь не имелось, партийным он не был — хотя предлагали не раз и даже настаивали. А он отшучивался, что дисциплину придется нарушать: на собрания-то ходить не сможет, потому как слишком часто работает под прикрытием, вдали от родной парторганизации. И ему эти, да и другие опасные шуточки сходили с рук. А как призовешь

к порядку опера, который сегодня на зоне в доверие к вору в законе втирается, а послезавтра внедряется в банду наркодилеров в Чуйской долине?

Из комсомола Синичкин-старший к 1981 году шесть лет как по возрасту выбыл — оперу недавно исполнилось тридцать четыре. Посему в анкетах с чистой совестью писал: «Беспартийный».

Полковник Гремячий сложил все его документы в пакет, скрепил личной печаткой. Выдал билеты на самолет — на имя все того же Зверева. И несколько пачек наличными: сиреневые двадцатипятирублевки, радужные червонцы, синие пятерки. Отдельно — стопку величественных зеленых пятидесятирублевых купюр и еще более важных желтоватых сотенных.

Синичкин обратил внимание, каким жадным и завистливым взором провожает владивостокский подполковник передачу денег.

— На общую сумму пять тысяч. Пиши расписку, — сказал Гремячий. И не удержался, конечно, от того, чтобы не пробурчать: — Я понимаю, ноблесс оближ, чтобы войти в доверие, придется тратить, но постарайся все-таки поаккуратней с народным достоянием, не шикуй напропалую и сверх меры.

Купюры новоявленный Зверев завернул в самую зряшную из всех имевшихся при нем газет — «Советский патриот» и вместе с документами сунул в пластиковый кейс-дипломат.

Потом он вышел в соседнюю комнату и там переоделся с головы до ног.

В обычной жизни майор Синичкин старался выглядеть как можно менее заметным: на ногах удобные, но внешне ничем не примечательные ботинки чехословацкой фирмы «Цебо», костюм от «Большевички», польская рубашка с планочкой. Но теперь на конспиративной квартире он превратился в настоящего модника. Каждая деталь туалета кричала о том, что он подлинный хозяин жизни: начиная от «родных», то есть не поддельных, а сшитых в самой Америке джинсов «Ливайс» и джинсовой курточки той же фирмы до итальянской рубашки «Бенеттон». Плюс на ногах кроссовки «Адидас» — тогда взрослым людям и отнюдь не на тренировке было незачем носить спортивную обувь. (Сейчас эта мода, кажется, вернулась.) Наряд дополняли каплевидные солнцезащитные «полицейские» очки, а также аксессуары: блок сигарет «Мальборо» (не тех, что стала выпускать к Олимпиаде молдавская табачная фабрика, а опять-таки родных, из Штатов) и бензиновая зажигалка «Зиппо».

— Давай, Семен, или как там тебя, Петро, — напутствовал его Гремячий. — Ни пуха тебе, ни пера. Обстановку будешь докладывать по оговоренным каналам связи.

По каким каналам, какую обстановку и как часто докладывать — владивостокскому Коржеву знать было не надобно.

Гремячий на прощание стиснул Синичкину-старшему руку и даже приобнял. Нормальный он был мужик, только, как все шестидесятники, начинавшие карьеру в оттепель, слишком верил в победу добра и справедливости над тьмой и подлостью.

У Синичкина, представителя следующего поколения, такой уверенности давно не было. Он кивнул на прощание владивостокскому подполковнику и пешком сбежал с третьего этажа в столичном сталинском доме на набережной Максима Горького¹.

Именно в этом доме некогда, сказывали, проживал шпион Пеньковский — когда органы его разоблачили, то, как гласила устойчивая легенда, в назидание прочим неустойчивым элементам сожгли заживо в печи крематория.

Двойные агенты кончают плохо — это майор Синичкин затвердил для себя накрепко.

Он вышел со двора на обочину проезжей части и поднял руку. Выглядел так, что извозчик не заставил себя ждать: даже при беглом взгляде издали он, весь в фирмё, производил впечатление платежеспособного товарища.

Остановилось не государственное такси, а частник. Один из счастливых обладателей «Жигулей» решил подкалымить, подзаработать на бензин, тем более упорно ходили слухи, что

---

¹ С 1993 года — Космодамианская набережная.